

Светлана Смирнова
Гуманитарный институт
Северный Арктический федеральный
университет имени М.В. Ломоносова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ЛЕКСИКИ

Key words: Russian, church vocabulary, sociolinguistic aspect, questionnaire

В последние годы в области социолингвистики изучается использование различного класса слов носителями языка, при этом активно обсуждаемым остается вопрос о методах и приемах анализа языкового материала в названном аспекте. В предлагаемой статье обратимся к личному опыту в этой области и охарактеризуем методы социолингвистического описания церковной лексики, представим данные, полученные в результате научного изыскания.

В нашем исследовании в качестве ведущего избирается метод социолингвистического эксперимента, который должен обеспечить решение ключевого вопроса: как молодое поколение россиян, проживающих на территории Архангельской области, интерпретирует церковную лексику. Для организации и проведения эксперимента необходимо (1) определить критерии отбора респондентов, (2) разработать материалы для интерпретации и (3) проанализировать полученные реакции. Далее последовательно рассмотрим решение каждой задачи.

В качестве респондентов привлекались лица в возрасте от 17 до 35 лет, составляющие группу «нецерковное население»: студенты, преподаватели и служащие двух институтов Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова, т.е. молодые жители Архангельской области Российской Федерации. Для данного возрастного периода, соответствующего этапам «юность» и «взрослость», актуальными, по мнению российских педагогов и психологов, являются следующие признаки: отмечается подъем физической и интеллектуальной активности на качественно новый уровень, наблюдается «освоение новых социальных ролей», вырабатывается «собственный» стиль жизни, формируется свободное отношение к религии [см. об этом, напр. Абрамова 2006].

Объектом научного изыскания, как уже отмечалось выше, послужили единицы сферы «Церковь», которые в советское время из-за господства в России атеистической идеологии в плане употребления подлежали запрету и находились в пассивном лексическом фонде русского языка, о чем свидетельствует помета «устаревшее» в толковых словарях этого периода. Общественно-политические и культурные события, произошедшие в России в конце XX века, которые в средствах массовой информации квалифицировались как «духовное возрождение», «православный ренессанс» и под., способствовали возрождению в стране религиозной жизни и активизации функционирования религиозно-церковной лексики в речи носителей русского языка. Сложившаяся языковая ситуация способствовала появлению монографий, диссертационных сочинений, статей, в которых ранее «мертвые» для русистов лексические единицы стали привлекаться в качестве объекта научного изучения (И.В. Бугаева, С.В. Булавина, Р.И. Горюшина, И.А. Королева, И.А. Крылова, Н.Б. Мечковская, Ю.В. Митина, Ю.Н. Михайлова, М.Е. Петухова, М.В. Слаутина, К.А. Тимофеев, Г.А. Толстова и др.).

Изучение работ указанных авторов позволяет нам говорить о двух подходах в осмыслении термина «церковная лексика» (подробный анализ разных точек представлен нами в [Смирнова 2014]). При первом понимании единицы церковной сферы рассматриваются как составляющая часть религиозной лексики, при втором – как особая группа слов в системе русского языка, призванная отражать обрядовую, ритуальную сторону религии. Кроме того, у лингвистов нет единого мнения и при классификации слов церковной сферы, так как исследователи выделяют разное количество тематических групп, дают тематическим группам различные названия. Отсутствие единого мнения можно объяснить, во-первых, сложностью самого объекта научного изыскания; во-вторых, степенью осмысления объема и содержания понятия «церковь»; в-третьих, материалом, привлекаемым к анализу (общерелигиозная лексика, общехристианская лексика, частная христианская лексика); в-четвертых, источниками материала (толковые словари (исторические, современные), художественные тексты, живая речь и др.); в-пятых, уровнем знакомства лингвиста с религиозными и богословскими работами, святоотеческими трудами и др.

В моих публикациях отмечается, что характеристика религиозной и церковной лексики может осуществляться с опорой на православное понимание мироустройства. Православная Церковь, согласно идеям С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и других русских религиозных мыслителей, представляет собой Церковь торжествующую, небесную и Церковь воинствующую, земную. Глава церкви – Всевышний. Торжествующую Церковь, не видимую человеком, представляют высшие духовные существа: Богородица, чины бесплотных, святые Божии (пророки, апостолы, святители, мученики, исповедники, преподобные, Христа ради юродивые). Воинствующая Церковь – это «видимый общественный орган», открытый только верующему человеку. По мысли А.С. Хомякова, «Церковь же видимая не есть видимое общество христиан, но Дух Божий и благодать таинств,

живущих в обществе. Посему и видимая церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только обряд, и Церковь только общество» [цит. по Сабиров 2004, 83]. Единицы, которые соотносятся со сферой «Религия», отражают явления и реалии торжествующей Церкви и представляют собой религиозную лексику (в узком понимании); единицы, «обслуживающие» воинствующую Церковь, относятся к сфере «Церковь» и могут квалифицироваться как церковная лексика.

Таким образом, сферу «Церковь» верифицируют языковые единицы, которые характеризуют богослужение и его части, церковные обряды и таинства, именуют лиц, непосредственно участвующих в этих обрядах (имеющих право совершать эти обряды и соучаствующих в таинствах), называют места, где совершаются обряды и таинства, предметы, используемые в этих обрядах, а также церковные книги и праздники.

Из этого фонда церковной лексики для социолингвистического эксперимента были отобраны 15 стимулов в соответствии со следующими критериями.

Во-первых, для речевых реакций избирались языковые единицы, относящиеся к разным тематическим группам (далее ТГ): «Название церковных сооружений» – *храм, церковь, часовня*; «Наименования внутреннего и внешнего устройства храма» – *паперть, солея, амвон*; «Наименования церковных обрядов» – *треба, соборование, евхаристия*; «Наименование книг церковного содержания» – *триодь, часослов, минея*; «Наименования религиозных праздников» – *Прощеное воскресенье, Вербное воскресенье, Светлое Христово воскресенье*.

Во-вторых, слова-стимулы первой ТГ называют церковные сооружения, расположенные на территории Архангельской области, т.е. хорошо знакомые молодым россиянам; стимулы пятой ТГ именуют церковные праздники, которые отмечались в период проведения эксперимента.

В-третьих, с точки зрения современного русского языка 12 стимулов являются непроемкими, т.е. не отражают «живые» словообразовательные связи и, соответственно, не позволяют респондентам объяснять церковные слова с опорой на их внутреннюю форму (исключение: *Христово* ← *Христос*, *воскресение* ← *воскреснуть*, *соборование* ← *соборовать*, *вербное* ← *верба*, *прощенное* ← *простить*).

Среди методов сбора материала мы остановили свой выбор на сплошном анкетировании, которое предусматривает опрос всей генеральной совокупности изучаемых лиц, при этом респондент отвечает на вопросы анкеты в присутствии руководителя эксперимента. Аргументировать свой выбор мы можем следующими фактами. Во-первых, из всех методов сбора материала, как отмечают социолингвисты, анкетирование признается самым надежным. Во-вторых, анкетирование требует гораздо меньше времени на проведение исследования, чем остальные методы. В нашем случае респонденты заполняли анкеты одновременно, что позволило существенно снизить трудозатраты на получение информации по сравнению, например, с устным интервью каждого информанта. В-третьих, благодаря анкетированию все участники эксперимента находились в равных условиях.

Информантам предлагалось заполнить две анкеты. Цель первой анкеты – собрать информацию об участниках эксперимента и представить социальный портрет респондентов; цель второй – получить лингвистические сведения относительно единиц церковной лексики. Отметим, что при составлении вопросов первой анкеты мы опирались на имеющийся опыт социолингвистических работ, в которых отмечается, что на степень освоения единиц сферы «Церковь» могут влиять такие параметры, как пол, возраст, уровень образования, отношение к религии и вероисповеданию (см. научные сочинения И.А. Королевой, Ю.В. Лапатухиной, А.Ю. Романова).

Лингвистическая часть анкеты организуется социолингвистами по-разному: (1) предлагаются слова-стимулы, к которым просят привести ассоциации; (2) даются слова, словосочетания и др., значение которых предполагает пояснение; (3) формулируются конкретные вопросы свободной (ответы не задаются экспериментатором) и заданной формы (ответы прилагаются к вопросу). Формулировка нашей анкеты выглядела следующим образом: *Кратко поясните, как вы понимаете значение следующих слов* (далее приводился перечень 15 стимулов).

Одной из проблем, которая встает перед исследователями, является проблема отбора методов для оценки достоверности полученных данных. При анализе реакций мы опирались на лексикографические толкования. На данном этапе работы нужно было определить, какие из современных словарных источников наиболее адекватно отражают лексику с церковной семантикой и, соответственно, могут служить основанием для интерпретации полученных результатов. При ответе на этот вопрос мы опирались на положения диссертационного сочинения Ю.Н. Михайловой, в котором предпринимается попытка «систематизировать толковые словари, отражающие семантическую сферу религиозного, по типу дискурса и образу адресата» [Михайлова 2004, 6]. В соответствии с предложенным основанием современные толковые словари русского языка исследователь классифицирует на 4 группы: (1) словари, обслуживающие религиозный дискурс и ориентированные на адресата с православным мировоззрением – *Полный церковно-славянский словарь* Г. Дьяченко; (2) специальные словари, отражающие светский дискурс и рассчитанные на адресата с воинствующим атеистическим мировоззрением – *Карманный словарь атеиста* (ред. М.П. Новиков); (3) словари, относящиеся к светскому дискурсу и адресованные читателю с формирующимся атеистическим сознанием – толковые словари русского языка, изданные в советский период; (4) словари, обслуживающие светский дискурс и ориентированные на «адресата с формирующимся свободным отношением к религии» – *Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения и Словарь православной церковной культуры* Г.Н. Скляревской [Михайлова 2004, 7]. В нашем исследовании интерпретации, полученные на стимулы, сравнивались с данными лексикографических изданий последней группы, которые в данном случае выступали в качестве так называемой «лакмусовой бумажки». Далее рассмотрим особенности речевых реакций молодого поколения Архангельской области, охарактеризуем основные типы (категории) интерпретаций.

В анкетах участников эксперимента лексемы *храм* и *церковь* определяются так: «*священное место*», «*место, где человек может побыть наедине с Богом*». Приведенные реакции иллюстрируют категорию «Личный жизненный опыт», так как при объяснении значений слов-стимулов респонденты пытались осмыслить предмет действительности, при этом они опирались на фоновые и собственные жизненные знания. Некоторые информанты, объясняя слова *храм* и *часовня*, отмечали размер помещений («*большое церковное сооружение*», «*маленькое здание*», «*церковь в уменьшенном размере*»); данные реакции соотносятся с категорией «Параметры», так как представляют собой мысленное воспроизведение зрительного образа. В ответах «*находится в городе, деревне*» и «*находится в крупных городах*», «*здание на кладбище*», зафиксированных на лексемы *церковь* и *часовня*, подчеркивается место нахождения церковных помещений, что соответствует реакциям группы «Локус». Толкования «*место служения Богу*» и «*где проходят молитвы и службы*» наименования *храм* включают указание на предназначение церковного сооружения и составляют, на наш взгляд, категорию «Функциональное назначение». Эту категорию иллюстрируют и реакции «*место, где можно помолиться и поставить свечи на упокоение умерших*», «*место, где крестят*», «*место, где можно исповедаться*» на стимул *церковь* и «*здание для молитвы*» на слово *часовня*. Кроме того, имя существительное *часовня* определяется и как «*церковное здание, где нет алтаря*», что соответствует группе «Дефиниции», так как в этой реакции называется главный признак церковного сооружения, отмеченный в словарном толковании: *часовня* – «небольшая постройка для общественной молитвы с иконами, чаще всего без алтаря» [Скляревская 2008, 408]. Думаем, что эти реакции можно отнести также к группе «Внутреннее устройство». Некоторые респонденты считают тождественными наименования *храм* и *церковь*, о чем свидетельствуют реакции «=*церковь*», «*то же, что и церковь*» на слово *храм*; приведенные ответы, с одной стороны, соответствуют категории «Явление синонимии», а с другой – группе «Дефиниции» (ср.: *церковь* – «православный храм» [Скляревская 2008, 407]). Встретились единичные пояснения «*мощная структура, которая пытается управлять людьми*» и «*деяние рук человека, оно не связано с верой*» на стимул *церковь* и «*унылое (печальное) здание на кладбище*» на лексему *часовня*, которые составляют реакции категории «Эмоционально-оценочные ответы», т.к. полученные высказывания отражают личное мнение участника эксперимента, представляющее собой или эмоциональное восприятие предмета, или его субъективную оценку.

У респондентов возникли сложности при определении стимулов ТГ «Наименование внутреннего и внешнего устройства храма» и «Наименования книг церковного содержания». Лексема *паперть* объясняется ими как «*место, где бедные люди просят милостыню*», «*место, где стоят нищие*» (группа «Личный жизненный опыт») и как «*крыльцо церкви*», «*вход в храм*» (группа «Внешнее устройство»). Пояснения «*место в церкви*» и «*возвышение (перед иконостасом)*» имени существительного *солея* характеризуют категорию «Внутреннее устройство». В лексикографических источниках слово *солея* определяется как «возвышенная часть пола

перед иконостасом» [Скляревская 2008, 336], что не соответствует полученным реакциям «*церковное чтение молитвы*», «*церковный атрибут*» и «*предмет одежды*» (категория «Ошибочное понимание»). В словарях имя *амвон* определяется так: «центральная часть солеи, расположенная напротив царских врат и служащая местом для чтения Евангелия, произнесения проповедей и т.п.» [Скляревская 2008, 25]. Интерпретации этого имени респондентами «*место внутри церкви*» и «*внутренняя часть храма*» соответствуют категории «Внутреннее устройство», а пояснения «*церковный обряд*», «*сосуд*», «*ароматическое средство*» являются неправильными (категория «Ошибочное понимание»). Толкование «*слово, написанное с ошибкой*» лексемы *солея* можно отнести к категории «Корректирование респондента», так как оно отражает поисковую активность участника эксперимента, его восприятие слова-стимула. Реакции на лексемы *триодь* («*чего-то три*»), *часослов* («*дядя с часами*», «*тот, кто с часами*») соответствуют категориям «Внутренняя форма слова» и «Ошибочное понимание». Наименования *триодь* и *часослов* респонденты определяют как «*книга*», «*священная книга*», «*церковная книга*», что соответствует категории «Родо-видовые отношения слов», так как в данном случае слова-стимулы выступают в роли гипонимов и раскрывают гиперонимы-реакции. Следует отметить, что в большинстве анкет напротив лексем ТГ «Наименования книг церковного содержания» частотным был ответ «*не знаю*».

В анкетах фиксировались редкие ответы на имена существительные ТГ «Наименования церковных обрядов». Субстантив *треба* объясняется как «*требование, которое нужно выполнить*»; в данном случае респондент пытается охарактеризовать единицу через внутреннюю форму, однако пояснение является ложным, так как *требы* – «богослужения, не входящие в суточный богослужебный круг и совершаемые по их необходимости («по требованию»)» [Скляревская 2008, 382]. Полагаем, что приведенную реакцию можно квалифицировать двояко: «Ошибочное понимание» и «Внутренняя форма слова». Ответы *треба* – это «*определенное место*», «*часть сооружения*», *евхаристия* – «*имя женщины*» также не соответствуют действительности (группа «Ошибочное понимание»). Интерпретация «*принятие святых тайн*» на существительное *евхаристия* синонимична слову *причащение*, следовательно, она иллюстрирует категорию «Явление синонимии». Толкования «*что-то связанное с соборами*», «*строение соборов, сбор денег на строительство*», «*рост соборов*» стимула *соборование* представляют собой попытку респондентов объяснить слово через его внутреннюю форму, в связи с этим мы относим их к категориям «Внутренняя форма слова» и «Ошибочное понимание» (ср.: *соборование* – «= елеосвещение» [Скляревская 2008, 366]). В ходе эксперимента некоторые участники самостоятельно трансформировали стимулы: имя существительное *миня* заменили составным наименованием *четы миinei*, лексему *евхаристия* ввели в словосочетание *наложить евхаристию*. Подобные реакции характерны для категории «Корректирование респондента».

Большинство респондентов единицы ТГ «Наименование религиозных праздников» объясняют как «*церковный праздник*», что соответствует категории «Родо-

-видовые отношения». Стимул *Прощеное воскресенье* определяется как «христианский праздник, в который принято просить прощение за грехи», как «церковный праздник, во время которого принято всех прощать», которые соответствуют категориям «Внутренняя форма слова», «Дефиниции» и «Личный жизненный опыт» (ср. *Прощеное воскресенье* – «последнее воскресенье перед Великим постом, когда все верующие (священнослужители и миряне) просят друг у друга прощение» [Скляревская 2008, 323]. Категорию «Темпоральность» иллюстрируют реакции «конец масленицы, начало поста», «последнее воскресенье перед Великим постом», «последнее воскресенье зимы и ее проводов», поскольку в них указывается конкретный временной период этого праздника.

Составное наименование *Вербное воскресенье* интерпретируется как «вход Господа в Иерусалим» (группа «Дефиниции»: *Вербное воскресенье* – «= Вайи неделя; вход Господень в Иерусалим» [Скляревская 2008, 88]). *Вербное воскресенье* поясняется и как «ясный день, когда люди собирают вербу и ставят в вазу перед иконой», «дарят вербы, освещают их», «христианский весенний праздник, когда в дом приносят веточки вербы в качестве оберега». Приведенные интерпретации можно отнести к категориям «Внутренняя форма слова», «Личный жизненный опыт», так как респондент, с одной стороны, отмечает главный предмет, связанный с этим праздником, с другой – при пояснении значения высказывает собственные жизненные наблюдения/знания. Ответ «Пасха» является неправильным (категория «Ошибочное понимание»).

Самое большое количество правильных реакций на стимул *Светлое Христово Воскресение* соответствовало одному слову – «Пасха», что характеризует категории «Дефиниции» и «Явление синонимии». Один участник данный стимул определил как «самый торжественный, радостный христианский праздник». Эта реакция соотносится с категорией «Эмоционально-оценочные ответы», поскольку включает слова, являющиеся оценкой стимула. В нескольких анкетах на *Светлое Христово Воскресение* фиксируется молитвенный возглас «Христос Воскрес, Воистину Воскрес»; данная реакция иллюстрирует группу «Прецедентный текст», так как эти слова произносятся в главный православный праздник.

Подведем итоги нашего исследования, основным методом которого является социолингвистический эксперимент, этапы которого можно обозначить следующим образом: (1) подготовка к проведению – определение группы респондентов, разработка материалов, (2) непосредственно эксперимент – собственно анкетирование, (3) обработка результатов. Последний этап осуществляется на основе сопоставления реакций респондентов с данными *Словаря православной церковной культуры* Г.Н. Скляревской – одного из авторитетных изданий, в котором «лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но главным образом как составная часть *современного русского языка*» [Скляревская 2008, 6].

При анализе реакций участников эксперимента нами выделяется 15 категорий, которым мы даем свои названия с опорой на ключевые данные /сведения, содержащиеся в высказываниях. Между выделенными категориями, по нашему мнению,

нет непроходимых границ, в связи с чем считаем возможным некоторые пояснения информантов относить сразу к нескольким группам.

Полученные в результате анкетирования материалы позволяют нам утверждать, что молодые носители русского языка интерпретируют церковную лексику по-разному. Многие из них не испытывают затруднений и в большинстве случаев правильно поясняют значения лексем ТГ «Названия церковных сооружений» и ТГ «Наименования религиозных праздников». Реакции на слова-стимулы первой ТГ соответствуют лингвистическим категориям («Функциональное назначение», «Локус», «Эмоционально-оценочные ответы», «Явление синонимии», «Дефиниции») и категориям, связанным с личным восприятием информанта окружающего мира («Параметры», «Внутреннее устройство», «Личный жизненный опыт»); пояснения второй ТГ – лингвистическим группам («Дефиниции», «Внутренняя форма слова», «Явление синонимии», «Эмоционально-оценочные ответы», «Прецедентный текст», «Темпоральность», «Родо-видовые отношения») и группам «Личный жизненный опыт», «Ошибочное понимание». Последняя категория выделяется нами в связи с наличием неточных или неправильных толкований предложенных церковных слов. Однако у молодых жителей Архангельской области возникают сложности при толковании значений имен существительных *паперть*, *солея*, *амвон*. Полученные реакции на слова-стимулы отражают категории «Внешнее устройство», «Внутреннее устройство», что соответствует названию ТГ «Наименования внутреннего и внешнего устройства храма», а также группы «Личный жизненный опыт», «Корректирование респондента», «Внутренняя форма слова», «Ошибочное понимание». Незначительное количество пояснений на стимулы *треба*, *соборование*, *евхаристия* иллюстрируют категории «Внутренняя форма слова», «Корректирование респондента», «Ошибочное понимание». Характерными для ТГ «Наименование книг церковного содержания» являются реакции, соотносимые нами с категориями «Родо-видовые отношения», «Внутренняя форма слова», «Ошибочное понимание».

Респонденты, указавшие в анкете, что они являются верующими и посещают храм, давали более полные и подробные объяснения, чем лица, отметившие, что они не посещают храм и не веруют. Примечательно, что в каждой из этих групп наблюдается одинаковое количество бланков без ответов или бланков с неправильными толкованиями. При этом российские женщины не демонстрируют лучшего знания церковной лексики, чем мужчины. Параметр «уровень образования» также нельзя признать показательным в этом отношении.

В целом материалы нашего исследования подтверждают наблюдения А.Ю. Романова о том, что связь между знанием церковной лексики и уровнем воцерковленности, религиозности человека не является безусловной, а значительно увеличившаяся в конце XX века посещаемость храмов, которую фиксируют социологи, пока еще не влияет на активное владение молодых россиян церковной лексикой [Романов 2009].

Библиография

- Абрамова Г.С., 2006, *Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов*, Москва.
- Королева И.А., 2003, *Православная сакрально-богослужебная лексика в художественном тексте: Диссертация (...) кандидата филол. наук*, Волгоград.
- Лапатухина Ю.В., 2000, *Индивидуальные и групповые маркеры православного дискурса (экспериментальное исследование): Автореферат (...) кандидата филол. наук*, Ульяновск.
- Михайлова Ю.Н., 2004, *Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): Автореферат (...) кандидата филол. наук*, Екатеринбург.
- Романов А.Ю., 2009, *Межпоколенческая коммуникация*, Москва.
- Сабиров В.Ш., 2004, *Любовь как откровение личности – божественной и человеческой*, Человек, № 1, 7–85.
- Скляревская Г.Н., 2008, *Словарь православной церковной культуры*, Санкт-Петербург.
- Смирнова С.А., 2014, *О понятии «церковная лексика*, Научный диалог, Вып. 12 (36): Филология, 84–97.

Summary

SOCIOLINGUISTIC DESCRIPTION OF THE CHURCH VOCABULARY

This article deals with words associated with church, such as church, temple, chapel and others in a sociolinguistic aspect. The respondents are native speakers of the Russian language, inhabiting a specific region. The source of the analyzed material is experimental language data revealed by means of a questionnaire. As a result of the conducted analysis it is determined how church vocabulary is interpreted by young Russians and basic types of speech reactions are described.